Наталья Анатольевна ПРОКОФЬЕВА

Екатерина Александровна ЩЕГЛОВА

РЕЧЕВЫЕ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ НЕСОГЛАСИЯ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ[1]

В докладе рассматриваются особенности развёртывания полемики вокруг попытки реформирования орфографии в начале 2000-х в медийном дискурсе. Выявляются характерные формы выражения негации для каждой речевой партии участников дискуссии.

Ключевые слова: *возражение, научно-популярный дискурс, реформа орфографии, медиадискурс.*

Natalya A. PROKOFEVA

Ekaterina A. SHCHEGLOVA

DISSENT EXPRESSION SPEECH FORMS IN POPULAR SCIENTIFIC LINGUISTIC DISCOURSE

The report examines the media discourse discussion peculiarities about the attempt to reform spelling in the early 2000s. The authors identify negation expression characteristic forms for each discussion participants ` speech party.

Keywords*: negation, popular science discourse, spelling reform, media discourse.*

Ортология неизменно остаётся предметом дискуссий в рамках научных конференций, но также она всегда являлась частью интереса со стороны широкой общественности. Ведь языковая норма, будучи предметом лингвистики, одновременно играет значительную роль и в оформлении языковой картины мира, культурного и социального самосознания национального сообщества (см. (Друговейко-Должанская, Попов 2019)). Общее представление о том, что каждый носитель языка является носителем абсолютного знания о языке – экспертом – существенно затрудняет процесс обсуждения и, следовательно, принятия решения о необходимости и оправданности реформы правописания. Соответственно, каждый раз в ходе реформы возникает исключительно много суждений о том, что правильно, востребовано или же, наоборот,

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакоммуникации» (Соглашение с РНФ № 22-18-00184).

надуманно и несвоевременно.

И всегда дискуссия развивается в русле двух противоположных течений: безоговорочного принятия, лояльного отношения к новшествам в языке и однозначного неприятия, консервативного отрицания любых предложений.

Как это часто бывает, истина кроется где-то посередине, но копья ломаются очень активно. Вступающие в полемику чиновники, журналисты, лингвисты, представители широкой общественности порой не стесняются в выражениях, переводя научный спор в категорию площадной брани. В этом смысле интересно не только рассмотреть ход одной отдельно взятой дискуссии, но сравнить то, как развивался спор некоторое время назад с ныне существующей ситуацией.

Итак, возьмём для примера дискуссию, развернувшуюся вокруг предложений о регламентации новых норм написания некоторых слов в рамках законопроекта «О русском языке» начала нулевых. Отметим, что в спор были включены, как и в ситуации с орфографической реформой настоящего времени, все слои общества, для которых результаты потенциально значимы. В первую очередь это широкая общественность, то есть основная масса носителей языка. И если в нулевых мнение этой стороны конфликта было представлено отдельными высказываниями, которые публиковались как дополнение к основной публикации в СМИ, то сегодня это самостоятельные голоса, которые звучат без купюр в рамках комментариев к журналистским публикациям в электронных версиях изданий или же в социальных сетях.

Во вторую очередь это сами авторы проектов – лингвисты, которые пытаются представлять научно обоснованную версию предлагаемых к введению новшеств. К сожалению, как показывает практика, этот голос зачастую заглушается или искажается журналистской интерпретацией, которая не позволяет во всей полноте услышать экспертное мнение. Представляется, что именно это купирование научной информации приводит к общему искажению представления о языковых новшествах и, как следствие, превратному мнению о них.

Наконец, это журналисты как основной источник информации и как посредники между первыми и вторыми. Здесь в основном стоит вопрос о качестве подготовки к репрезентации лингвистического проекта и объективности представления соответствующей информации.

Ещё одна сторона, о которой не следует забывать, – чиновники, последняя инстанция, принимающая решение о введении законопроекта в действие. А учитывая, что не всегда чиновники,

ратифицирующие реформу языка, являются лингвистами, надо иметь в виду, что развёртывающаяся полемика для них становится основным источником представления о необходимости принятия законопроекта. Это значительно усложняет стоящую перед журналистами задачу корректного отражения информации и сохранения в неизменном виде мнения лингвистов-авторов проекта.

Само по себе возражение – нормальная реакция на всё новое и способ продвижения всего нового, с этим не приходится спорить, однако здесь важны причины возражения, как-то: простое упорство в необходимости сохранения существующих норм, недопонимание сути проекта или же недостаточность контакта с широкой общественностью. Как видится, это совокупность трёх обозначенных факторов, каждый из которых наиболее ярко выражается в действиях каждой из обозначенных сторон обсуждения.

Поскольку научное сообщество остаётся во многом замкнутым и закрытым и, как правило, неохотно выходит в медиапространство, голоса самих учёных звучат в диалоге тише остальных. В.В. Лопатин, возглавлявший орфографическую комиссию при РАН, конечно, давал разъяснения относительно деятельности комиссии: разговаривал с журналистами, выступал на радио, однако он действовал не как популяризатор идеи, для его выступлений характерно обращение к адресату так, будто последний заведомо обладает необходимой базой знаний.

Основные особенности репрезентации проекта по изменению орфографической нормы в его исполнении можно увидеть в научно-популярной статье «Из истории реформирования русского правописания», опубликованной на портале ГРАМОТА.РУ (Лопатин 2000). Весь текст построен как реплика-реакция на возможные (или уже поступившие) возражения против изменений в системе орфографии. Необходимость работы орфографической комиссии доказывается с помощью:

- уверения публики в незначительности предлагаемых изменений: все значительные перемены в области языка заведомо пугают, воспринимаются в штыки, как порча: *Предлагаемые в проекте изменения действующих правил немногочисленны и в значительной части продиктованы современной практикой письма*;
- демонстрации истории предыдущих реформ как естественного процесса, в котором учёные лишь фиксируют уже состоявшиеся в языке изменения, а не навязывают собственное видение (*написания, до сих*

пор вызывающие у некоторых внутренний протест, но тем не менее неизбежные). Отсюда возражение против некоторых отдельных решений предыдущих комиссий, высказанное в форме мягкого порицания: *Думается, что при всей чисто научной, лингвистической обоснованности многих предложений авторы того проекта упустили из виду неизбежный общественно-культурный шок*;

- демонстрации места предстоящих изменений в процессе реформирования орфографии как реакции на изменение нормы. Для этого автор высказывает аргументы в пользу недостаточности предшествующих изменений, происходит традиционное для научного знания утверждение нового в форме возражения старому: *Вместе с тем достаточно скоро после утверждения «Правил» 1956 г. стала обнаруживаться их неполнота, в ряде случаев недосказанность, а нередко и обусловленная директивными политическими ограничениями односторонность*;
- вскрытие возможных причин отрицательного отношения к изменению орфографических практик, обусловленных не вполне удачными действиями предшественников (подспудно проводится мысль, что в настоящем этих ошибок удастся избежать): *...об этих предложениях... до сих пор вспоминают при каждом удобном случае представители интеллигенции, весьма подозрительно относящиеся теперь к любым попыткам вмешательства в правила правописания, а некоторые журналисты видят в таких попытках бесценный «жареный» материал*;
- обращение к патриотическим чувствам аудитории: *Страна должна иметь наконец реальный, не фантомный и не суррогатный, свод правил русского правописания*.

При этом нужно отметить, что лингвисты не были единодушны в своём отношении к предлагаемым изменениям орфографии. Одна речевая партия принадлежала членам орфографической комиссии во главе с В. В. Лопатиным и сочувствующим их деятельности, вторая – лингвистам, высказавшимся, порой в резкой форме, о ненужности орфографических реформ. Интересно, что линия возражения последних проходит ровно по той же траектории, что и только что продемонстрированная. Рассмотрим её на основе текста И.Г. Добродомова, опубликованного в «Русском вестнике» (Добродомов 2003). Возражение выстраивается по следующим направлениям:

- отрицание незначительности изменений: *Весьма любопытно, что предполагавшееся новое вмешательство в русскую орфографию старательно преуменьшалось*;
- демонстрация истории предыдущих реформ как необдуманного вмешательства в языковую систему, имеющего отрицательные последствия: *Разрыв системы орфографии русских писателей XIX века с нынешней породил множество с трудом решаемых проблем*. Более того, для автора естественна консервация орфографической нормы: *Расхождение между живой речью и речью прошлых времен, которая в более архаичном облике сохраняется в письменности, естественно. Ведь только «консерватизм» языка может обеспечить преемственность культурного и исторического развития народа*;
- демонстрация аргументов, показывающих неподготовленность и необдуманность предложенной новой реформы: *Прежде любого преобразования орфографического хозяйства русского языка следует это хозяйство тщательно обозреть, проинвентаризировать, чего пока еще не сделано*;
- демонстрация отрицательных последствий реформы для общества в целом и индивида в частности, в том числе с привлечением личного опыта автора: *По своему опыту перехода на новые нормы орфографии в 1956 году могу сказать, что это не так уж и легко*;
- обращение к патриотизму и национальному самосознанию аудитории: *Разработчики отставленного проекта правил правописания должны бы понимать, что стабильная орфография является одной из важных составных частей культуры*.

Примечательно, что если последователи реформы, как правило, весьма сдержанны в оценках, то противоположная сторона напротив выстраивает возражение с ярко выраженной оценочной модальностью, которая прослеживается по всем выбранным для возражения линиям. Соответствующую отрицательно оценочную предикацию и атрибуцию имеют: реформа - *ненужное и вредное реформирование, бесцеремонное вмешательство, своевольные рекомендации*; приверженцы реформирования – *реформаторы-«обновленцы»*, *люди недостаточной культуры* (автор утверждает, что только такие персоны могут выступать за изменения орфографии), *псевдорадетели языка*; действия реформаторов – *спешно образована* (Орфографическая комиссия 1962 г.)… *поспешно подготовившая* (чрезмерная спешка всегда отрицательно характеризует любой научный проект); *было тихой сапой включено большое количество слов, написание которых*

противоречит требованиям еще действующих «Правил»; на реформаторский салтык и т. п. Противоположную картину можно наблюдать в оценке персон и действий противоположной стороны: люди - *к удовольствию грамотных русских людей, грамотное общество*; действия - *общественность отстояла*; (Л.А. Путина) *взяла на себя трудное дело заботы о русском языке*; *отстояли свою грамотность и себя от орфографических сюрпризов* и т.п. В угоду возражению меняет своё изначальное значение слова *пуризм/пурист* (пуризм – ‘стремление из консервативных побуждений сохранить язык в неизмененном виде, в полной чистоте, оградить его от новшеств’ (Крысин 2008)). Отрицательно оценочные коннотативные смыслы, присущие слову, используются автором для формирования его новой семантики: *Пуристам в языке или в связанных с языком сферах культуры что-то не нравится, и они стремятся изгнать неприятные для них элементы… Пуризм – дело вкуса, поэтому навязывать вкусовщину всему обществу едва ли правильно*. Слова *пуризм и пурист* становятся словами-ярлыками с инвективным содержанием для характеристики противника.

Журналисты, в отличие от научного сообщества, не ограниченные профессиональной этикой корректного обозначения объекта и предмета научного знания, ставят перед собой иные цели. Не скрупулёзно и последовательно сообщить о причинах изменения языковой нормы или обозначить осторожность учёных, предлагающих узаконить те или иные изменения, а эпатировать публику, привлекая внимание к своему материалу. Показателен уже выбор в качестве номинации предполагающихся изменений слова *реформа*, которое заведомо имеет высокий воздействующий потенциал. Безусловно, в научно-популярном дискурсе для токования научного знания хороши методы объяснения материала через сравнение, метафору, привлечение наиболее ярких примеров, однако здесь требуется соблюдать меру – балансировать между яркой привлекательной формой и чётким изложением содержания. На деле же в научно-популярной полемике наблюдается резкий перекос в сторону первого в ущерб второму:

- в первую очередь это происходит благодаря введению примеров, которые жесточайшим образом нарушают представления читающей публики об орфографической норме: *В проекте предлагается, к примеру, писать заимствованные слова «парашют», «брошюра» как слышится, то есть через букву «у». Планируется также распространить написание с твердым знаком на все сложные слова*

без соединительных гласных и сложносокращенные слова. Например, госъязык, детъясли, партъячейка, спецъеда, хозъединица, Минъюст (NEWSru.com. 27.06.2001);

- кроме того, востребованной речевой стратегией становится изъятие из контекста высказывания, которое обладает существенным потенциалом контактоустановления именно вне контекста, поскольку звучит абсурдно: *Новый «Свод правил» – достойное отражение этого новейшего времени. По мнению заместителя председателя орфографической комиссии РАН Владимира Лопатина, «Свод правил русского правописания», которым мы сейчас пользуемся, устарел, так как был принят еще в 1956 году* (Коммерсант. 01.09.2000). Грубая ироничная оценка, свидетельствующая, что автор свысока смотрит на происходящее, не мешает ему, однако, грубо нарушить логику изложения в первоисточнике, выставляя говорящего дилетантом. По цитате можно утверждать, что говорящий судит о том, соответствует ли эпохе принятый свод правил, лишь по году его ратификации;
- наконец, распространён популярный приём выражения отрицательной оценки – ирония. Резкое неприятие мыслей и высказываний оппонента в корне противоречит традиционной сдержанности научного изложения и переводит научную по сути дискуссию в плоскость обсуждения бытовых неурядиц: *Грамотные взрослые люди продолжат писать грамотно по привычке, дети с грехом пополам выучат новые правила и не будут им следовать так же, как сейчас не следуют старым, и еще один шаг к полной победе над великим, свободным и могучим будет сделан* (Коммерсант. 01.09.2000)

Исходя из сказанного, логичной представляется реакция общественности: не понимая отправной точки реформирования и наблюдая только вершину айсберга, представленную в рассчитанных на эпатаж журналистских примерах, читающая публика однозначно и безоговорочно воспринимает предлагаемые изменения в штыки:

- отрицательная оценка, проявлявшаяся в иронических тонах в журналистских текстах, получает грубо-просторечное оформление в прямых высказываниях читающей публики:

Виктор Ерофеев, писатель:

– В ***орфографии*** *я бы вообще ничего не менял. Это же бред будет, если мы начнем писать вместо слова «заяц» – «заиц», а вместо «парашют» –«парашут». Наши академики вместе с правительством хотят изуродовать язык, а он – органичное существо, которое трогать нельзя. Пусть язык лежит там, где его*

место (Коммерсант. 01.09.2000);

- определение роли научного сообщества в жизни языка может звучать и вполне разумно, но что обращает на себя внимание, так это необходимость подобных очевидных моментов, которая проистекает опять-таки из непонимания позиции научного сообщества относительно обсуждаемой проблематики:

Александр Колчин, гендиректор компании «Мобил Телеком»:

– Если что и менять, то не в языке. Язык, как любое живое существо, сам поменяет все как нужно. А академики могут только подвести научную базу под эти изменения (Коммерсант. 01.09.2000);

- традиционной стратегией манипуляции является переход на личности:

Как только появилась школа Лопатина, какой-то худо-бедно существовавший порядок в правописании вообще разрушили, развели какую-то дурацкую полемику. Русский язык и так настолько сложен, а тут пытаются установить полный хаос. По крайней мере, правила Розенталя не в пример Лопатину четкие и ясные (форум ГРАМОТА.РУ. 4.12.2001);

- авторам отказывают в элементарном здравом смысле, а толкование происходящего доводится до абсурда:

Татьяна Толстая, писатель:

– Надо заколотить двери Академии наук, где заседают эти придурки, и попросить их заняться более полезным для народного хозяйства делом. Система правописания русского языка у них – как лапша «Доширак», раз и готово. И уже можно писать «карова» вместо «корова», не ставить запятые и творить что хочешь. Им невдомек, что существуют люди, страдающие дислексией – хронической безграмотностью. Даже если отменить все правила, они не станут писать грамотно. А страна может запросто взбунтоваться (Коммерсант. 01.09.2000).

А в продолжение чиновники, недалеко ушедшие от обывательского сознания, да вдобавок облечённые властью, позволяют себе в том числе некорректные манипулятивного толка высказывания относительно возможных мер воздействия на несогласных внести требуемые изменения лингвистов: *Недовольство депутатов вызвал проект реформы, подготовленный группой специалистов Академии наук. Депутаты из фракции «Единство» даже предлагают урезать финансирование Академии наук, если ученые откажутся от намерения изменить некоторые, по их мнению, устаревшие правила*

(NEWSru.com. 27.06.2001).

Примечательно, что подобный характер полемики типичен для лингвистического научно-популярного дискурса. Продолжением рассмотренной дискуссии стал медиадискурс, формирующийся в настоящее время вокруг деятельности вновь заработавшей орфографической комиссии, возглавляемой теперь А.Д. Шмелёвым, и новой попытки разрешить проблемы, накопившиеся вокруг орфографии. И абсолютно те же стратегии возражения-оскорбления, возражения-дискредитации демонстрируют комментарии пользователей к новостям о выходе нового академического «Словаря русского языка коронавирусной эпохи» (2021). Широкая общественность по-прежнему не понимает значения деятельности специалистов в области языка и не готова воспринимать научные результаты их труда. Очевидно, что медиатором должны стать профессиональные журналисты, для которых необходимо разработать стратегии преодоления возражения, обеспечивающие успешность популяризации научного знания.

Список литературы

Добродомов И. Г. Чем грозила и грозит «реформа» орфографии // Русский вестник. URL: http://rask.ru/stphp?idar=308395 (дата обращения 16.09.2022).

Друговейко-Должанская С. В., Попов М. Б. Современное русское письмо. Графика, орфография, пунктуация: Хрестоматия научных работ. СПб., 2019.

Лопатин В. В. Из истории реформирования русского правописания // ГРАМОТА.РУ. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_15 (дата обращения 16.09.2022).

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М. 2008.

ПРОКОФЬЕВА Наталья Анатольевна – к.ф.н., доцент кафедры медиалингвистики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.

ЩЕГЛОВА Екатерина Александровна – – к.ф.н., доцент кафедры медиалингвистики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.